

- А чому він Чумацький? – спитала Катря.
- Бо показує дорогу чумакам до Криму.
- А люди кажуть, що то дорога, що перетинається посередині світу: одна веде в пекло, а друга – в рай.
- Мабуть, що так, – погодився Івась. – По тій дорозі душі померлих ідуть на той світ: одні, праведні, в рай, а грішні – в пекло” [4, с. 284].

Чумацький Шлях – це не лише символ Галактики, але й символ нелегкої життєвої дороги нашого народу до щастя. Саме на це вказує митець у своєму щоденнику: “Ох, чумацький шлях, чумацький шлях – нещасний шлях нашого нещасного народу!...” [3, с. 61]. Він символізує велич і трагізм української історії, національної культури, вказує дорогу до щастя для “добрих, для праведних людей” [4, с. 285] – Івасеві, його коханій Катрі, другу Кирику, старому запорожцеві Михайлу Безкровному, отаману Антону Головатому, поетові і драматургу Василю Капністу та канцлеру Олексію Безбородьку, якого письменник вважає автором відомої “Історії Русів”. З боєм розуміючи, що Україна втрачає волю, Безбородько усвідомлює свій борг перед її народом: повернути йому власне ім’я та свою історію. Адже без історичної пам’яті неможливе відродження державного життя будь-якої нації. Використавши таку містку назву, автор, на нашу думку, не намагався спростити рецептивний процес, а навпаки, максимально задіяти активну свідомість читача, спонукаючи його до власних рефлексій.

Отже, аналіз роману свідчить про намагання митця заглибитися в життя свого народу, подати події з їх корінням, окреслити національне буття, розуміння якого в нього було багатогранним. Відображення народних традицій створює атмосферу повсякденного буття народу, в якому закріпилися віками вироблені принципи психології, моралі, етики. На перший план митець висуває людину, акцентує увагу на вічних духовних цінностях, будить від летаргії і збайдужіння, вселяє віру в незнищенність людського в людині, любові, відданості, патріотизму.

ЛІТЕРАТУРА

1. Великий тлумачний словник сучасної української мови / кер. вид. проекту М. П. Мовчан, В. В. Німчук, В. Й. Клічак. – К. : Дніпро, 2009. – 1332 с.
2. Касян Л. Роман Володимира Малика “Горить свіча” у контексті художнього відображення історичного минулого [Електронний ресурс] / Л. Касян. – Режим доступу: <http://www.ualogos.kiev.ua/fulltext.html?id=767>
3. Малик В. Синя книга (записки для себе). 1958–1998 (продовження) / В. Малик // Бахмутський шлях. – 2010. – № 3–4. – С. 3-73.
4. Малик В. Чумацький шлях : роман / Володимир Малик. – К. : Український письменник, 1993. – 285 с.
5. Словник символів / заг. ред. О. І. Потапенка, М. К. Дмитренка. – К. : Народознавство, 1997. – 156 с.
6. Шевченко Т. До Основ’яненка / Тарас Шевченко // Повне збір. тв. : у 12 т. / редкол. : М. Г. Жулинський та ін. – К. : Наукова думка, 2001. – Т. 1. – С. 119-121.

УДК 821.161.1

И. БУНИН НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ДОРОГ МЕЖДУ УКРАИНОЙ И РОССИЕЙ

Тихомиров В. Н., д. филол. н., профессор

Запорожский национальный университет

В статье анализируются традиции русской и украинской литератур в творчестве И. Бунина. Основной акцент сделан на трагическом восприятии Буниным-эмигрантом творчества Н. Гоголя, Т. Шевченко, Л. Толстого и И. Тургенева.

Ключевые слова: интернациональные литературные связи, типология, традиция, новаторство, реализм, романтизм, трагическое.

Тихомиров В. М. І БУНІН НА ПЕРЕХРЕСТІ ДОРІГ МІЖ УКРАЇНОЮ І РОСІЄЮ / Запорізький національний університет, Україна.

У статті аналізуються традиції російської та української літератур у творчості І. Буніна. Наголос зроблено на трагічному сприйманні Буніним-емігрантом творчості М. Гоголя, Т. Шевченка, Л. Толстого, І. Тургенева.

Ключові слова: *інтернаціональні літературні зв'язки, типологія, традиція, новаторство, реалізм, романтизм, трагічне.*

Tykhomyrov V. M. I. BUNIN AT THE CROSSROADS BETWEEN UKRAINE AND RUSSIA / Zaporizhzhya National University, Ukraine.

The article deals with the traditions of Russian and Ukrainian literatures in Bunin's creative work. The main emphasis was made on his tragic perception of creative work of M. Gogol, T. Shevchenko, L. Tolstoy, I. Turgenev.

Key words: *international literary ties, typology, tradition, innovation, realism, romanticism, the tragic.*

Судьба русского писателя И. Бунина бросала в разные концы света, сталкивала с выдающимися деятелями культуры. Из русских он общался с Л. Толстым, А. Чеховым, Ф. Шаляпиным, С. Рахманиновым, жил в Орле, родном городе И. Тургенева. Из украинских отразил традиции Т. Шевченко и Н. Гоголя. Его гоголевская тематика вошла в арсенал бунинского творчества. Традиции этих писателей отразились в романе И. Бунина "Жизнь Арсеньева". Герой этого романа Алеша Арсеньев с детства познакомился с классиками мировой литературы – с "Дон Кихотом" М. Сервантеса и с "Русланом и Людмилой" А. Пушкина. Но если эти авторы пробуждают фантазию юного мальчика, то по его словам, под влиянием Н. Гоголя у него формировался "жизненный состав" [1, с. 38].

В этом "жизненном составе" начала формироваться любовь к родному языку. "Поющие двери", "этот прекрасный летний дождь, который роскошно шумит по саду и т. д." [1, с. 38]. Но, пожалуй, самое главное – чтение Н. Гоголя формировало в нем идею гуманизма, и "как уже различала, указывала моя детская душа, что хорошо, что дурно ..., что нужно и что не нужно ей" [1, с. 39]. В своем отзыве о Н. Гоголе И. Бунин уделяет особое внимание его повести "Страшная месть". Есть все основания считать, что многие мотивы этой повести у И. Бунина найдут традиции. Особенно образ Катерины, о которой он упоминает в своем отзыве. Гоголевская Катерина станет идеалом красоты и духовности. "Дивились гости белому лицу Катерины, черными как немецкий бархат бровями, сапогами с серебряными подковами" [1, с. 38]. И. Бунин поэтизирует семейный уют в доме Катерины и Данилы Бурульбаша: "Вот Катерина тихо говорит с мужем, вытирая платком лицо тяжелого на ее руках ребенка" [1, с. 39]. Их семейный уют был разрушен старым отцом Катерины.

В повести "Страшная месть" центром стал конфликт в семье Данилы Бурульбаша. Повесть заканчивается песней бандуриста про братьев Петра и Ивана, которые вначале делили все пополам, но "Петро не мог вынести того, что Иван получил такую честь от короля и затеял глубоко на душе месть" [4, с. 202]. За это был наказан Богом. Иван по наущению Бога выбрал казнь Петру: "великую обиду нанес мне этот человек: предал своего брата как Иуда и лишил меня честного рода и потомства на земле. А человек без честного рода и потомства, что семья кинутое в землю и пропащее даром в земле" [4, с. 204].

И. Бунина восхищал эпилог повести о двух братьях: Иване и Петре. Мысли, вложенные в эпилоге повести "Страшная месть", стали для Бунина-эмигранта, оторванного от родины, весьма злободневными. Он высоко оценил их гуманную силу: "Страшная месть" пробудила во мне то высокое чувство, которое вложено в каждую душу и будет жить во веки, чувство священной законности возмездия... Это чувство есть несомненная жажда, есть вера в него" [1, с. 40]. Видимо, И. Бунина не оставляла жажда мести врагам, заставившим его покинуть родину ("Окаянные дни"). О. Михайлов в предисловии к книге "Окаянные дни" писал: "гражданская война во все времена была самой жестокой и беспощадной, самой трагической, когда брат шел на брата, сын на отца" [1, с. 8].

"Страшная месть" оставила глубокий след в творчестве И. Бунина. Его роднит с этой повестью сильная тяга к мистическому, таинственному в его повестях "Митина любовь", "Дело корнета Елагина" и др. В. Гейдеко справедливо пишет, что "Бунин вводил в повествование элемент некой роковой предопределенности, особенно в "Темных аллеях" [5, с. 222].

Общение с гоголевскими традициями, проявившимися особенно в его повести "Страшная месть", было продолжено во время его путешествия по Украине – Харьков, Полтаве, Миргороду и др. городах. После России Алеша попал в "новый для меня мир. Мягкость воздуха и то, что света в нем было больше чем у нас" [1, с. 163]. Этот "новый мир" стал для И. Бунина не только воздухом, но совершенно неожиданной новой культурой. И. Бунин поэтизирует свет этой культуры. "Я только что прочел собрание малороссийских "Дум" Драгоманова. Был абсолютно пленен "Словом о полку Игоревым", – писал он [1, с. 172]. "Страна эта грезилась мне необузданными весенними просторами всей той южной Руси, которая все больше и больше пленяла мое воображение и древностью своей, и современностью" [1, с. 179]. И. Бунин поэтизирует этот "высокий и богатый край, красоту его нив и степей, хуторов и сел, Днепра и Киева, народа сильного и нежного" [1, с. 170].

Общение с Украиной было связано у И. Бунина с впечатлением о толстовской повести "Казачи". Все это вырастало в отрицание нашей несправедливой жизни. "О жизни среди природы, среди народа, которую

создавали у меня казаки и мои собственные впечатления о Малороссии. Какое это счастье отряхнуть от ног прах всей нашей несправедливой жизни и заменить ее чистой, трудовой жизнью, жизнью где-то на степном хуторе, в белой мазанке на берегу Днепра!" [1, с. 206]. Таким образом, И. Бунин находит в укладе Украины, в ее жизни, несомненно, общие черты с "Казаками" Л. Толстого: культ природы, естественность и неприхотливость ее жизни. Пожалуй, центральным заявлением Алеши стало сравнение жизни в Петербурге и на Юге. "– Вы говорите Петербург? Если бы Вы знали, какой это ужас и как я стал сразу и навеки понять, что я человек до глубины южный" [1, с. 260].

Воплощением южного духа для Алеши стал образ Т. Шевченко "– совершенно гениальный поэт! Прекраснее Малороссии нет страны в мире" [1, с. 260].

И. Бунин перевел на русский язык стихотворения Т. Шевченко "Заповит" ("Завещание") и "В зеленому гаї" ("Во зеленой темной роще"). В стихотворении "Завещание" И. Бунин перевел лишь две начальные строки. Авторы в комментарии к переводу И. Бунина пишут: "По видимому, в распоряжении Бунина был текст, составленный из двух начальных строк, остальное находилось под цензурным запретом" [3, с. 435]. Вряд ли с этим комментарием можно согласиться, так как И. Бунин великолепно знал творчество Т. Шевченко. А снял он полный текст "Заповита", так как не принял его революционный пыл [см.: 8, с. 398].

Мы уже отмечали, что особый интерес И. Бунина к творчеству Н. Гоголя вызвала повесть "Страшная месть". В последующей научно-исследовательской литературе о Н. Гоголе этот интерес не угасал. Например, М. Храпченко писал: "в таких повестях как "Вечер накануне Ивана Купала", "Страшная месть" отражение драматизма сочетается с ирреальной символикой: тут ясно прослеживается идейно-творческое противоречие Гоголя" [12, с. 98]. Видимо, такая оценка "Страшной мести" шла от противоречивой позиции В. Белинского, который писал о ложном понятии "народности" в повестях "Вечер накануне Ивана Купала" и "Страшная месть". Г. Гуковский в книге "Реализм Гоголя" справедливо отмечал: "Страшная месть" и "Вечер накануне Ивана Купала" являют как бы самый первый этап гоголевского звучания, наиболее романтический, наиболее близкий романтизму 1810–1820 гг." [7, с. 36].

И. Бунин, проникательно писавший о "Страшной мести" в отличие от других реалистических произведениях Н. Гоголя, уделял ей особой внимание.

Конечно, И. Бунин, восхищаясь Украиной, все-таки считает, что ее история навсегда закончена, ее красота и поэзия навсегда отошли в прошлое. Можно обвинить И. Бунина в антиисторизме, но если попытаться его понять, то у него была своя логика, отнюдь не соответствующая исторической объективности. Он мыслил Украину в составе России, которая после Октябрьской революции была обречена на трагическую бесперспективность.

И. Бунин трагически ощущает конец своего славного прошлого на перроне орловского вокзала, "когда проходил через Орел некий траурный поезд чрезвычайной важности!" [1, с. 185]. Этот "траурный поезд" стал прощанием Алеши (самого И. Бунина) с прошлым России: "целая жизнь прошла с тех пор. Мы уже давно в чужой стране" [1, с. 186]. Это одиночество в чужой стране все время преследует И. Бунина. "Зачем жить? Для чего? Что делать? В этом мире, в их мире, в мире поголовного хама и зверя мне ничего не нужно" [1, с. 4].

Целый отрезок жизни, связанный с тоской по России, был отмечен орловским периодом его жизни и был связан с его любовью к Лике, с воспоминанием о "дворянском гнезде", где он познакомился с нею.

В романе "Жизнь Арсеньева" есть сцена, в которой Алеша знакомится с "дворянским гнездом", будто бы описанным в одноименном романе И. Тургенева. Это рождает в душе Алеши светлое воспоминание – тоску об этом великом романе. "Лиза, Лаврецкий, Лемм... и мне страстно захотелось любви" [1, с. 194], – произносит он. Однако, как следует из разговора Алеши с Оболенской, он не однозначно относился к автору "Дворянского гнезда".

Арсеньев в своем отзыве о И. Тургеневе "замаялся". И все-таки посещение дворянского гнезда заканчивается его апологетом. Эти слова для И. Бунина (Арсеньева) приобрели символический смысл, открывая главный мотив его творчества. Они проявились особенно в романе "Жизнь Арсеньева", "Темных аллеях" и во всем последующем творчестве И. Бунина. Что касается "Жизни Арсеньева", то в этом романе тургеневская традиция не проявилась сколько-нибудь значительно, хотя описание природы средней полосы, поэзия и трагедия любви – все это сближает одноименный роман с тургеневской традицией.

В структуре романа И. Бунина "Жизнь Арсеньева" ее центром стал образ "тургеневской девушки" Лики. Как писала В. Муровцева-Бунина, "в Лике "выросла" любовь молодого Бунина – сила, страсть, чувства его. Я нахожу, что в Лике – все женщины, которых он любил" [1, с. 332]. Лика, размышляя о своем отношении к Алеше, пытается найти ответ в повести Л. Толстого "Семейное счастье". Гармония семейного счастья, нарисованная Л. Толстым в этой повести, видимо, не нашла в Алеше положительного

ответа и он делает выговор Лике. “Совершенно ясно, что тебе уже горько жить со мной, что ты уже одинока, разочарована” [1, с. 271]. О повести Л. Толстого “Семейное счастье” существуют различные точки зрения. Сам Л. Толстой считал ее “гадостью” [11, с. 454]. Напротив, авторы примечаний не согласны с такой низкой оценкой и считают, что “Толстому удалось с помощью чрезвычайно тонкого психологического рисунка передать многообразие проявления чувств героини” [11, с. 454].

Продолжая анализировать своеобразие своих переживаний, Лика обращается к творчеству И. Тургенева. Именно он становится свидетелем угасания их любви. “Ты, конечно, не можешь меня понять. Но, бог с тобой. Верно сказано у Тургенева” [1, с. 273]. “Присутствие” И. Тургенева в упреках Лики по поводу эгоизма Алеши не случайны. Арсеньев в отношениях с ней демонстрирует внутреннюю свободу. “Живи только для меня и мной. Не мешай меня своей свободой, своеволием” [1, с. 272]. Возникает вопрос, кого из тургеневских героев она имеет в виду. Казалось бы Лаврецкого, о котором Алеша говорит в рассказе о “дворянском гнезде”. Но Лаврецкий у И. Тургенева выражает во взаимоотношениях с Лизой принципы альтруизма. Тогда остается Рудин, которого Наталья упрекает в эгоизме.

Бунин называл И. Тургенева и Л. Толстого величайшими русскими писателями в предисловии к рассказу “Господин из Сан-Франциско” [2, с. 267]. Правда, ссылки на Л. Толстого были у И. Бунина более многочисленными, чем на И. Тургенева. Л. Толстой был для него не только современник, они были близки в своих эстетических позициях. И. Бунин в знак восхищения гением Л. Толстого в 1937 г. опубликовал работу “Освобождение Толстого”. Она интересна тем, что И. Бунин ищет и находит в ней “свое”, оправдывающее его, за что его критиковали современники, в частности З. Гиппиус, яростно отвергнувшая его плотское начало в повести “Митина любовь”.

Повесть “Митина любовь” занимает центральное место в прозе И. Бунина эмигрантского периода. Французский поэт и романист А. де Ренье писал: “Митина любовь” находится на уровне лучших произведений классической русской литературы..., когда Россия еще была Россией Тургенева и Толстого ...” [2, с. 523]. И. Бунин настойчиво отрекался от толстовской и тургеневской традиции, в частности о тургеневской традиции писал: Не раз слышал: “От Тургенева что-то. Но это уже никогда. Ни одной йоты, похожей, т. е. родственной нет” [2, с. 523]. Так же решительно отвергал И. Бунин традиции Л. Толстого, но “дух, звук, некая пронзительная лиричность что ли? Где же тут Толстой?” [2, с. 523].

Конечно, отвергая традиции И. Тургенева и Л. Толстого, И. Бунин отдавал себе отчет в разнице этих традиций. Толстовские традиции проявились у И. Бунина в его здоровом, земном реализме, в его любви к земной плоти, к женскому телу в особенности. Характеристика И. Бунина тургеневской манеры (“пронзительная лиричность”) была присуща ему самому.

Об А. Чехове И. Бунин написал специальную работу под одноименным названием (“О Чехове”). Правда, в отличие от статьи о Л. Толстом, об А. Чехове он пишет в более раскрепощенном, свободном ключе, не как о гении, а как о своем друге, хотя и признает его величие. Пожалуй, самое главное, в чем И. Бунин упрекал самого Л. Толстого, отсутствие у А. Чехова учительского, проповеднического начала. А. Чехов поразил И. Бунина своей обыденностью. “Писателя в его речи не чувствовалось. Сравнения, эпитеты он употреблял редко. А если и употреблял, то чаще всего обыденные и никогда не щеголял ими” [4, с. 198]. И упрекал М. Горького, “у которого слишком много определений” [4, с. 219].

И. Бунин считал А. Чехова “воплощением чувства меры, благородства, человеком высшей простоты, высшего художественного целомудрия” [4, с. 235]. При общем восторженном отношении к А. Чехову он отрицательно относился к его драматургии, кроме “Чайки”. “Лучшая – “Чайка”, единственная” [4, с. 227]. Особой критике он подвергает “Вишневый сад”.

Объект своей критики И. Бунин объясняет тем, что А. Чехов в своей пьесе выбрал тему, близкую самому И. Бунину. Он (А. Чехов) напоминает тех, “которые воспевали погибающие дворянские гнезда, меня, а затем воспел погибающую культуру вишневых садов, имевший малое представление о дворянах, помещиках и их садах...” [4, с. 237]. И. Бунин вспоминает свое степное поместье с большим садом, только не с вишневым, и “ничего подобного не было и нет в вишневых деревьях, совсем некрасивых, корявых” [4, с. 238]. И далее И. Бунин “издевается” над персонажами А. Чехова – Лопухиным, который приказал рубить вишневые деревья с глупым нетерпением лишь затем, что А. Чехов хотел дать возможность зрителям художественного театра услышать звук топоров, Раневская будто бы помещица и будто бы парижанка, то и дело истерически плачет и смеется. Студент Трофимов в некотором роде буревестник. “Вперед!”, – восклицает он. И. Бунин прекрасно пародирует ситуацию вишневого сада с позиций классического социального детерминизма. В повестях “Деревня”, “Суходол” он писал об оскудении деревенских дворянских гнезд. Современники А. Чехова, в том числе и И. Бунин, воспитанные на классической литературе XIX в., часто отказывали автору “Вишневого сада” в новаторстве.

Если современники критиковали его за “произвольные”, “случайные эпизоды”, то в науке XX в. отношение к ним изменилось. Например, А. Чудаков писал: “Чехов очень рано отказался от узкой социальной детерминированности характеров и внешних признаков типичности” [14, с. 275]. И далее:

“Чеховская художественная система фиксирует прежде всего незаконное, необязательное, т. е. собственно случайное, расширяя возможности искусства” [14, с. 276].

В А. Чехове И. Бунин нашел страстного любителя Украины. “Мы оба восхищались Малороссией (тогда так называлась Украина), мы оба бывали в Святогорском монастыре, в гоголевских местах” [4, с. 195]. Правда, И. Бунин, описывая любовь А. Чехова к Украине, весьма категорически заявляет, что украинская тематика совсем не отразилась в его творчестве. “И странно, как много дали его произведениям подмосковные места, так ничего не дал Псел, где он прожил два лета 88–89, хотя восторгался ими выше всякой меры. Но в литературе его они не отразились” [4, с. 171]. Эта мысль И. Бунина была оспорена в книге М. Теплинского “Изучение творчества Чехова в школе”. М. Теплинский пишет о том, что поездка на Украину, задуманная прежде для летнего отдыха, “во многом помогла писателю укрепиться на новых позициях – начать новый этап в творчестве” [9, с. 168].

Украинские мотивы, несомненно, влияли на формирование мировоззрения Чехова, хотя вряд ли стали “новым этапом” в его творчестве [10]. Но, конечно, нельзя отрицать, что украинская тематика отразилась в творчестве А. Чехова и прежде всего в рассказе “Человек в футляре”, в котором тема Украины была противопоставлена футлярной жизни уездного города.

Можно наметить типологическую близость А. Чехова и И. Бунина. Пожалуй, наибольшее сходство в типологическом плане исследователи (О. Михайлов, С. Марвич, В. Гайдеко) находят в рассказе А. Чехова “Дама с собачкой” и в рассказе И. Бунина “Солнечный удар”. В обоих случаях персонажи рассказов, Гуров у А. Чехова и поручик у И. Бунина, попадают под власть стихийной силы любви. Художественная реализация любовной темы у А. Чехова и И. Бунина, несмотря на типологическую близость различна. Знакомство Гурова с Анной Сергеевной не столь романтично как у поручика у И. Бунина. Это даже не знакомство, а похоже на обычную стандартную связь с женщиной. “Изменять ей (жене – В. Т.) он начал уже давно, изменял часто и именно поэтому отзывался о женщинах почти всегда дурно” [13, с. 128].

Встреча с Анной Сергеевной вначале укладывается в рамки обычного светского ухаживания, даже с привкусом пошлости. “Когда дама села за соседний стол в трех шагах от него, ему вспомнились эти рассказы о легких победах. И появилась соблазнительная мысль о скорой соблазнительной связи, о романе с неизменной женщиной, которую не знаешь по имени и положению, вдруг овладела им” [13, с. 129]. Встреча с Гуровым рождает в Анне Сергеевне целую бурю переживаний. “Я дурная, низкая женщина. Я себя презираю и об оправдании не думаю [13, с. 132]. “Я люблю честную, чистую жизнь и грех мне гадо, я сама не знаю, что делаю. Простые люди говорят: нечистый попутал” [13, с. 133].

После взаимного бичевания А. Чехов выдает, пожалуй, одну из центральных сцен. Он признается своему партнеру: “Если бы Вы знали, с какой очаровательной женщиной я познакомился в Ялте!” [13, с. 137]. На это последовал глубокомысленный ответ чиновника: “А давеча Вы были правы: осетрина то с душком!” [13, с. 137]. Эти слова знакомого чиновника перевернули внутреннюю жизнь Гурова. “Какие возмутительные, нечистые дикие нравы, какие лица” [13, с. 134]. С яростью и негодованием он клеймит свой привычный образ жизни: “игра в карты, обжорство, пьянство, постоянные разговоры все об одном” [13, с. 134]. Пережитая душевная драма Гурова рождает у автора слова: “У него было две жизни: одна явная, которую видели и знали все, полная условной правды и обмана, похожая на жизнь его знакомых и друзей, а другая – протекающая тайно” [13, с. 141].

В финале А. Чехов рисует потрясающую картину о двух птицах, живущих в разных клетках. “Им, казалось, что сама судьба предназначала их друг для друга и точно они были две перелетные птицы: самец и самка, которых поймали и заставили жить в отдельных клетках” [13, с. 143].

Современные А. Чехову критики (В. Альбов, Н. Михайловский) отмечали усложненность внутреннего мира личности в рассказе А. Чехова. В. Альбов писал, что А. Чехов “изображает в рассказе процесс нравственного перерождения человека” [13, с. 427]. Как мы уже писали, бунинский рассказ “Солнечное затмение” во многом напоминает рассказ А. Чехова “Дама с собачкой”. И не только драматической мыслью о колдовской силе любви. Можно обнаружить их некую сюжетную близость. Оба писателя выбирают место для знакомства персонажей (привычные) крымские места. Гуров в Ялте, поручик на пароходе, идущем из Анапы. Чехов помещает роман Гурова и Анны Сергеевны в обычную реальную обстановку. Гуров женат, у него двое детей. Анна Сергеевна замужем, называет мужа “лакеем”. И. Бунин обставляет этот сюжет более романтично: поручик не знает ни ее имени, ни ее социального положения. В ответ на стремление поручика узнать что-то о ней, она загадочно отвечает: “Даю вам честное слово, что совсем не то, что Вы могли обо мне подумать” [2, с. 240].

Хотя А. Чехов как и И. Бунин мог бы сравнить любовь Гурова и Анны Сергеевны с солнечным ударом, но это сравнение у А. Чехова было лишено всякого романтического ореола. Однако, нарисованная им любовь мужчины и женщины приобретает общечеловеческий смысл, который можно сравнить с шекспировскими “Ромео и Джульеттой” и толстовской “Анной Карениной”. В этом смысле бунинский рассказ “Солнечный удар” можно назвать отдельным эпизодом в исследовании великой темы любви в

чеховском рассказе. Величие А. Чехова в том, что автор сумел придать обычному уровню общечеловеческого.

Рассказ “Дама с собачкой” по всем структурным признакам может быть назван “микророманом”. Действие рассказа А. Чехов переносит в различные места: Ялта, Москва, губернский город, театр, где Гуров встречается Анну Сергеевну. Но, пожалуй, самое главное – в чеховском рассказе происходит сложный процесс рождения и развития чувств главных героев. В современной русской литературе такую психологическую задачу мог ставить лишь Л. Толстой в романах “Анна Каренина” и “Воскресенье”.

Бунинские традиции у великих представителей русской и украинской культуры несут на себе печать его трагических переживаний вдали от России. Это особенно проявилось в его трактовке гоголевской повести “Страшная месть”, в частности в образах Петра и Ивана. Трагичным для И. Бунина стал образ Т. Шевченко, “совершенно гениального поэта” [3, с. 420]. Трагична судьба Лики в романе “Жизнь Арсеньева”, в образе которой И. Бунин интерпретирует судьбу тургеневской девушки. Типологически близким для И. Бунина стал рассказ А. Чехова “Дама с собачкой”. В отличие от А. Чехова, оставившего надежду на воссоединение Гурова с Анной Сергеевной, романтическая любовь персонажей И. Бунина в “Солнечном ударе” не оставляет такой надежды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Жизнь Арсеньева / И. А. Бунин // Собр. соч. : в 9 т. – М. : Художественная литература, 1966. – Т. 6. – С. 7-290.
2. Бунин И. А. Митина любовь / И. А. Бунин // Собр. соч. : в 9 т. – М. : Художественная литература, 1966. – Т. 5. – С. 181-238.
3. Бунин И. А. Стихотворения. 1918–1953 / И. А. Бунин // Собр. соч. : в 9 т. – М. : Художественная литература, 1966. – Т. 8. – 471 с.
4. Бунин И. А. О Чехове / И. А. Бунин // Собр. соч. : в 9 т. – М. : Художественная литература, 1966. – Т. 9. – С. 169-253.
5. Гейдеко В. А. А. Чехов и Ив. Бунин / В. А. Гейдеко. – М. : Советский писатель, 1976. – 374 с.
6. Гоголь Н. В. Страшная месть / Н. В. Гоголь // Собр. соч. : в 7 т. – М. : Художественная литература, 1967. – Т. 1. – С. 161-206.
7. Гуковский Г. А. Реализм Гоголя / Г. А. Гуковский. – М. : Художественная литература, 1959. – 530 с.
8. История украинско-российских связей : в 2 т. – К. : Наукова думка, 1987. – Т. 1. – 399 с.
9. Теплинский М. В. Изучение творчества А. П. Чехова в школе : пособ. для учителя / М. В. Теплинский. – К. : Радянська школа, 1985. – 184 с.
10. Тихомиров В. Н. Украинские мотивы в рассказе А. П. Чехова “Человек в футляре” / В. Н. Тихомиров // Вісник Запорізького національного університету : зб. наук. пр. Філологічні науки. – Запоріжжя : Запорізький національний університет, 2007. – № 1. – С. 178-179.
11. Толстой Л. Н. Семейное счастье / Л. Н. Толстой // Собр. соч. : в 22 т. – М. : Художественная литература, 1979. – Т. 3. – С. 72-151.
12. Храпченко М. Б. Творчество Гоголя / М. Б. Храпченко. – М. : Советский писатель, 1956. – 620 с.
13. Чехов А. П. Дама с собачкой / А. П. Чехов // Полное собр. соч. и писем : в 30 т. – М. : Наука, 1977. – Т. 10. – С. 128-143.
14. Чудаков А. П. Мир Чехова: возникновение и утверждение / А. П. Чудаков. – М. : Советский писатель, 1986. – 381 с.